

ГОД НАЗАД. ЛЕТО

Выйти на свободу — не значит освободиться.

Учитель вкладывал эту истину в головы младших методично, неторопливо и неутомимо. И девушка убедилась — он прав. А кроме того, поняла еще кое-что: правда всегда одна, но утверждается она разными способами.

Когда она отыскала старшего брата и пришла к нему вместе с еще одной его младшей сестрой, то вскоре поняла — за пределами очерченной им Территории Свободы она и в самом деле никогда не чувствовала себя свободной. Там от нее постоянно чего-то требовали. Вот хотя бы Родя, Родион... Тоже хотел быть ей другом и наставником. Вечно учил жить, зануда несчастный... Родителям он нравился, и девушка понимала почему: Родя был таким же, как они. И как у него язык не распухал без конца поучать, советовать, в общем — воспитывать... Правда, тогда она еще не знала, что где-то совсем рядом живет старший брат, для которого любые ограничения — тяжкий грех.

Только познакомившись с ним ближе, девушка поняла: в самом деле, ограничений не существует, свобода — высшая ценность. Потом это перестало ей нравиться, и очень скоро. Тогда Учитель пояснил: оказывается, у нее есть *полное право* на ограничение собственной свободы.

По-настоящему свободный человек чувствует себя свободным даже в темном сыром подвале.

С мокрицами.

Вот она, жестокая правда. Только сейчас девушка поняла, что никогда не чувствовала себя свободной. Ни дома, ни там,

куда она сбегала от домашней духоты. Ни рядом с Родионом, который упрямо отыскивал ее и возвращал домой. Ни здесь, на Территории Свободы, рядом со старшим братом и другими новыми родственниками. И в особенности в том подвале, где она прошла обряд «очищения».

«Значит, — решила девушка, когда ей наконец-то позволили покинуть подвал, — свободы не существует». Свобода — это миф, сказка, призрачный оазис в раскаленной пустыне, к которому напрасно стремится изможденный путник. В общем, примерно так и говорил Учитель...

Тем не менее однажды утром девушка решила встать и уйти. Покинуть Территорию Свободы, где этой самой свободы не было, вернуться в большой мир. Там тоже, как утверждал Учитель и как еще недавно верила она сама, люди живут в добровольных кандалах. Но в том мире есть мама, отец, в конце концов — тот же Родя... Вот уж никогда бы не подумала, даже в самые худшие времена, что будет до умопомрачения тосковать по нему!

До самого настоящего безумия.

До смерти.

Выбираясь из своего угла, девушка старалась двигаться совершенно бесшумно. Голова кружилась, перед глазами плясали радужные мушки, и ей пришлось собрать все силы, чтобы добраться до выхода, никого не потревожив. К тому же она не знала, кто из ее новых и уже успевших опостылеть земных родственников, братьев и сестер, по-настоящему спит, а кто от усталости и страха впал в полузабытье и вот-вот очнется.

И, опасаясь за себя, позовет старшего брата.

Потому что, если промолчит, — окажется в сыром подвале с мокрицами. Но даже самые отчаянные искатели внутренней свободы не очень-то стремились оказаться в промозгом каменном мешке высотой в полтора метра, где нельзя стоять в полный рост — только лежать на холодном кирпичном полу. Одна из младших сестер рассказывала: раньше глубина этого подвала достигала двух метров. Но вскоре после того,

как Учитель здесь обосновался, подвал переоборудовали. Откуда-то привезли цемент, песок, машину кирпича и всего за несколько дней забетонировали земляной пол, а затем выложили кирпичом, подняв его почти на полметра. С тех пор там стало невозможно даже выпрямиться.

Однако тем, кто оказывался в подвале, это было почти безразлично. Большинству из них вообще ничего не хотелось — они безропотно спускались туда, даже не пытаясь сопротивляться. Лишь некоторым — недостаточно умным, как разъяснил старший брат, — приходилось связывать руки. Потом все остальные собирались в кружок у распахнутого подвального люка и хором просили у связанного прощения. Тот обязан был простить, иначе выбраться из подвала становилось все сложнее.

Девушка тоже прощала.

Даже теперь, ползком пробираясь к выходу, она ни на кого не держала зла, даже на старшего брата. Разве что на себя...

Уже у самой двери она скорее инстинктивно почувствовала, чем заметила, подозрительное движение. И невольно вскрикнула — совсем негромко. Но вместо того, чтобы вскочить на ноги и во весь дух броситься прочь отсюда — туда, в большой мир, пусть даже душный и несвободный, каким он казался ей месяц назад, — она застыла на месте, буквально приросла к невообразимо грязному дощатому полу.

Грязному — потому что все здесь грязное и замызганное. Учитель говорит: «Каждый имеет право не убирать там, где живет. Это противоречит природе. Кто и когда видел прибранную медвежью берлогу, евроремонт в волчьей норе или стерильно чистую собачью конуру? Медведи, волки и собаки сильны и без этого, сильнее человека, потому что он их боится...»

Вот что она знала твердо: все, кто оказался на Территории Свободы, боялись старшего брата.

Скорее всего, так же, как и девушка, про себя они называли его зверем. Только для одних этот зверь был мудрым и прекрасным, а для других — жутким, хищным, неукротимо

свирепым. Из тех, от чьего логова надо держаться как можно дальше.

Движение повторилось.

Девушка испуганно повернулась туда, откуда послышался шорох, и ее глаза встретились с затуманенным взглядом Льва, одного из младших братьев. Она не знала, сколько ему лет и как его зовут на самом деле. Здесь, на Территории Свободы, всякий имел право зваться так, как велит душа. Этот называл себя Львом. Что касается возраста, то для тех, кто обитал на Территории Свободы, он вообще не имел значения. У всех был единственный старший брат, и он был старше любого из них. Все прочие считались младшими братьями и сестрами.

Так велел Учитель, чьего настоящего имени вообще никто не знал, даже Черная, стоявшая к нему ближе всех. Преданная настолько, что, казалось, готова смаковать грязь из-под его длинных, давно не стриженных ногтей. Да и какая, на самом деле, разница, как зовут Учителя... *мучителя...*

Лев смотрел на девушку в упор, или, скорее, сквозь нее. Он лежал на боку, привалившись костлявой спиной к стене с засаленными обоями, и таращил круглые глаза, давно потерявшие цвет. Когда это случилось — здесь или давным-давно, в те времена, когда Лев бродяжничал, кочуя от города к городу, от села к селу? Иногда он кое-что рассказывал о прежней жизни — скупое, осторожно, с оглядкой, хотя здесь, на Территории Свободы, его прошлое и будущее не интересовали никого, включая старшего брата.

Веки на мгновение опустились.

Девушка прижала палец к губам. Она не знала, удалось ли ей придать своему лицу умоляющее выражение, но изо всех сил пыталась дать понять, что просит об одном — молчать. Прошла вечность, прежде чем на физиономии младшего брата появилось более осмысленное выражение, он мутно улыбнулся. Губы дрогнули, и девушке показалось — они шепчут: «Давай!»

Благодарно кивнув, хоть и без всякой надежды, что Лев поймет всю глубину ее признательности, девушка продолжи-

ла ползти. Когда выход был уже совсем рядом, она поднялась на четвереньки и немного помедлила, словно выбирая направление. Затем немного подалась вперед, толкнула дверь, перебралась через порог — и оглянулась.

Если сейчас проснется еще кто-нибудь...

ДАВАЙ!

Больше не колеблясь, девушка рванулась, потеряла равновесие, оступилась и буквально вывалилась из комнаты в коридор. Ее тут же охватила паника — почудилось, что вот-вот из своей комнаты появится Учитель, за ним — Черная, чью запредельную жестокость ему порой едва удавалось сдерживать. И все равно — он был страшнее Черной: воспитать такую хищную тварь, безраздельно преданную и готовую на любое злодеяние, мог только очень скверный человек, который ни перед чем не останавливается.

Учитель умел укрощать Черную, а кто способен укротить его самого? Вопрос без ответа. Вот почему он куда опаснее своей преданной ученицы.

Может, он и не проснулся. Или занят: познает вместе с Черной все более глубокие тайны и возможности человеческой свободы.

Впрочем, желания убедиться в этом у девушки не было. Босой ногой она осторожно прикрыла за собой дверь и, пытаясь, миновала коридор. Наружная дверь, ведущая во двор, изнутри никогда не запиралась — таково было правило Территории Свободы: ее двери всегда открыты для новых младших братьев и сестер. «Хотите сбежать — милости просим, — не раз повторял Учитель, сопровождая эти слова широким жестом в сторону ограды, за которой высились темные кроны сосен. — Только куда вам бежать после всего, что вы пережили и прочувствовали здесь? А главное — от кого? От себя? Ну, если так, — попробуйте...»

Девушка была готова попробовать. Добравшись до наружной двери, она медленно выпрямилась, опираясь на дверной косяк, чтобы сразу не упасть от истощения. Учитель прав, он